

*Книга посвящается МК —
моему первому читателю,
главному критику и моей музе*

ГЛАВА I

За пять часов до конца...

«Господи, если ты еще слышишь меня, если ты действительно существуешь, дай мне знак...»

В больничном парке былолюдно.

Пациенты, закутанные в теплые куртки поверх спортивных костюмов, расселись по влажным лавочкам или ковыляли меж лысеющих осенних деревьев.

Бледные люди ловили утренние лучики солнца... кто знает, сколько этих лучиков осталось каждому из них.

«Поддай же мне знак... черт тебя подери».

То, что предстояло сделать Сергею всего через час, требовало хоть немного тишины.

Девочка в яркой куртке катила перед собой коляску с размазанной куклой, когда увидела его. С удивлением она посмотрела на осунувшегося, небритого доктора, сидевшего на исписанной граффити скамье. Он был совсем не похож на того веселого человека, который всегда при встрече подмигивал ей и дарил конфету.

Он смотрел на нее остановившимся тяжелым взглядом и не видел ни ее саму, ни ее яркую курточку.

Мать потащила девочку подальше от него, в сторону корпуса раковых больных. Там лежала сухенькая старушка, навещать которую им оставалось каких-нибудь пару месяцев.

Пару месяцев... вот бы и ему иметь столько в запасе. У него же остался всего один час... один час, и чья-то жизнь оборвется.

Сергей оттянул пальцем душный воротник рубашки и глубоко вдохнул влажный воздух. В ноздри ударило перегаром и прогорклым потом.

Сергей нехотя обернулся — на противоположном краю лавочки примостился пьяный, давно не мывшийся старик с запекшейся кровью на скуле.

Старик тут же заговорил и явно не собирался умолкнуть. Он нес какую-то ахинею о покое и Дьяволе. Сергей слушал вполуха. Наконец раздражение подкатило к горлу:

— Бога ради, уйди, — Сергей достал из кармана бурый кошелек с потертыми боками и не глядя сунул бродяге мятую купюру. — На, возьми и напейся. — Забыться — лучшее, что можно сделать в этом мире, — тихо добавил он.

Сергей встал, чтобы уйти, но грубая, вся в корках рука схватила его за запястье. И в этот момент слова нищего впервые прорвали плотную завесу мыслей. Сергей услышал, что этот грязный человек говорил ему, и мурашки пробежали по спине.

— Что? — доктор сам не узнал собственного голоса.

Теперь уже нищий начал рыться в своих засаленных карманах. Он что-то извлек оттуда и вложил в руку Сергея.

Ладонь врача ощутила знакомые очертания.

Старик молча встал и заковылял прочь.

На полпути он обернулся и кинул последнюю фразу.

Сергей узнал каждое слово.

Старик произнес ее с той же интонацией и придыханием, с какими говорила она... та, что лежала сейчас в палате в соседнем корпусе больницы.

Та, чью судьбу он должен был решить через час.

Что происходит?

Кто этот нищий?

Сергей раскрыл ладонь. Дыхание перехватило — он уже знал, что увидит.

Он поднял голову и посмотрел туда, куда, шаркая, ушел старик. Того уже нигде не было.

Сергей сжал кулак, словно пытался ухватиться за то, что оказалось в его руке. Словно боялся упасть, потеряться и никогда не найтись. Он судорожно оглянулся. Казалось, мир кружится. Мелькали белые больничные халаты, детская яркая курточка. Старика не было. Нигде. Он исчез.

Набрав в легкие побольше воздуха, Сергей побежал в сторону старого здания, за угол которого, предположительно, свернул нищий.

Там тоже никого не было.

Ни справа, ни слева.

Нигде.

ГЛАВА 2

За четыре часа сорок пять минут до конца...

Старый нищий завернул за угол больницы. Солнце слепило ему глаза.

Должно быть, в последний раз...

Пусть даже он видит этот мир чужими глазами, ощущает кожей чужих рук, но ведь и это уже не впервой. Так могло бы продолжаться сотни лет. Но выбор сделан.

Старик спиной ощутил их присутствие. Только он: никто живой вокруг даже не догадывался о присутствии этих двоих.

Они приближались сзади.

Еще шаг... еще хоть один. Какое же это невероятное блаженство — чувствовать себя в теле, каким бы оно ни было. Просто ощущать; чувствовать тепло солнечного блика на щеке; источать запах.

Еще один шаг...

Ноги больше не слушались. Они стали совсем тяжелыми, будто в каждую налили по ведру раскаленного свинца.

Старик попытался сделать еще один шаг — невозможно. Асфальт вздыбился перед его стоптанными дырявыми ботинками, не давая ступне даже сдвинуться.

Вот они — двое в черных костюмах, так похожих на одежду католических священников, только без белого воротничка. Они уже приблизились вплотную.

Холодные руки взяли его под дряхлые локти.

Старик опустил сморщенные веки.

Вот и все.

Темнота.

ГЛАВА 3

Прямо сейчас

Растрепанные волосы, порванная простенькая ночная рубашка: молодая женщина стоит на коленях в снегу. Позади полыхает ее бедная деревянная изба. Слезы жгут саднящую кожу

на щеке — след липкой фашисткой ладони все еще горит на лице.

Женщина кричит. Слов не слышно. Видно лишь, как синими дугами вздуваются жилы на ее бледной шее. Пятно бордового цвета расплзается по снегу, почти касаясь ее голых коленей.

Остервенелое выражение лица и истошный крик — все это плывет в плавающем от пожара зимнем воздухе.

Пятеро мужчин в фашистской форме наставляют на нее черные отливающие оранжевыми отблесками огня ствола винтовок.

Позади стоят люди, родные люди, жители этой деревни, бок о бок с которыми она выросла. Кто-то отворачивается. Кто-то плачет. Кто-то уже плетется прочь. Кто-то пялится на нее, как на диковинку. Все они мираж... всего лишь мираж.

По изображению плывут помехи — эта запись затерта почти до дыр, да и изменение файла не прошло бесследно.

На соседних экранах разыгрываются другие сюжеты. Некоторые тоже повреждены и то и дело прерываются помехами. На ближайшем экране идет еще одна история: двое инквизиторов тащат за руки молодую женщину. Она кричит, сопротивляется.

Женщина одета в дорогие ткани; ее волосы, судя по всему, были хорошо уложены под чепцом, но теперь светлые волнистые пряди выбились и липнут к вспотевшему лбу.

Женщина тянет руки к кому-то в дальнем углу комнаты.

Там, отвернувшись, стоит мужчина. Он крестится, а потом подносит к морщинистым, искусанным губам громоздкое распятие, что висит у него на шее.

На экране слева средних лет хирург оперирует безнадежно раненного солдата. Ветер воеет, сотрясая стены военно-полевого госпиталя. Мигает слабый свет.

Мужская рука тянется к пульту управления. Одно нажатие крупного, жилистого пальца — и гаснет первый экран.

«Файл удален».

Второе нажатие — и вот уже нет средневековой женщины и ее престарелого мужа.

Третье — исчез перепачканный кровью халат хирурга.

Еще нажатие, еще одно — и наконец все экраны молчат. Черные глазницы мониторов отражают лишь красивое, скуластое лицо Сизифа.

«Файл удален».

Черный костюм сидит на нем отлично. Воротничок немного душит и натирает кожу. Сизиф всегда усмехается, когда чувствует это. Столько времени прошло, а ему все кажется, будто что-то может натирать его давно не существующую кожу.

Закончив удалять файлы, Сизиф откидывается на спинку стула. Он оглядывает свой кабинет, который так и не стал ему домом. На столе стоит чашка с недопитым кофе. Сизиф берет ее и выливает содержимое в цветочный горшок, стоящий тут же, возле кипы бумаг.

«Считай, это мой прощальный подарок», — говорит он растению, которое странно выделялось в стерильно-белой обстановке кабинета.

— Не будешь скучать по ним? — скрипучий, хорошо знакомый голос выводит Сизифа из размышлений.

Иуда. И как всегда не вовремя.

Иуда проходит в кабинет и плюхается на белый диван. Мягкие подушки послушно принимают его тело, выпустив прохладный воздух. Точно так же делали диванные подушки в доме бабушки Сизифа, когда он, еще мальчишкой, прыгал по ним.

Или нет... может, это была совсем не та бабушка, из какой-то совсем другой жизни?

— Не буду. А стучать тебя мама не учила? — отвечает Сизиф, не оборачиваясь.

Он что-то ищет среди бумаг на столе.

— Один из наших утверждал, будто помнит каждое лицо, — продолжает Иуда, довольно потирая руки. — Как родное, так сказать.

Сизиф усмехается.

— Ничего, это быстро проходит.

Маленькие серые глаза Иуды обшаривают кабинет и останавливаются на десятках благодарностей в пыльных рамках.

— Сколько же у тебя этих благодарственных грамот? — присвистнув, говорит он. — Заберешь с собой?

— Насколько я знаю, подтирать задницу мне там не понадобится. Так что можешь оставить себе.

Сизиф медлит, бросает взгляд на грамоты, а затем продолжает. Тихо. Больше для себя:

— Там, куда меня переводят, ничего не понадобится...

Он встает и ловит взглядом свое отражение в одном из черных, слепых экранов. Проводит рукой по подбородку. Пальцы колет двухдневная щетина... удивительно все-таки, как хорошо его подсознание помнит и воссоздает все эти мелочи.

— Даже это, — тихо говорит он, разглядывая свое лицо.

Диван издает скрип — и подушки будто бы всасывают воздух, как всплывший на поверхность утопающий. Иуда встает, подходит к благодарностям. Стирает пыль рукой. Потом прикрывает тощим пальцем имя Сизифа. Безымянная благодарность явно радует его больше. Может, кто подумает, что они его?

— Уже решил, куда отправишься? — спрашивает Иуда, задевая плечом одну из рамок на стене.

Рамка повисает криво — Сизиф чувствует такое даже спиной. Ничего. Это уже не его кабинет.

К черту всю симметрию этого мира.

— Естественно. Наверх, — Сизиф расстегивает узкий воротничок и делает глубокий вдох. — Что бы там ни было.

Иуда хмыкает себе под нос.

— Да что там может быть? Скукота одна. Ни страсти, ни грязи. Вот я, когда наберу все очки, — он стучит по экрану странных, похожих на электронные, часов на руке, там высвечивается: «20%», Иуда мечтательно потягивается, — найду какое-нибудь потрясное местечко на Земле, выберу жизнь подольше, так сказать. Может, стану кинозвездой или королем. У них же еще есть короли, да?

Слушая Иуду вполуха, Сизиф достает связку ключей — настолько непохожих с виду, будто бы они от всех замков сразу: такие разные по цвету, форме, размеру — должно быть, даже из разных веков. Он открывает верхний ящик своего рабочего стола, сосредоточенно перебирает бумаги, которые, как и все в его кабинете, лежат идеальными, ровными стопками. Сизиф достает со дна ящика объемную замусоленную папку.

— Поделился бы, — говорит Иуда, пристально глядя на Сизифа, — в чем был твой секрет?

Сизиф пролистывает папку, затем сгребает в кучу оставшиеся в ящике бумаги. И через мгновение все эти аккуратные, исписанные таким ровным почерком листы оказываются скомканы.

Сизиф подходит к камину и бросает бумажный ком на догорающие угли. Огонек, почти умерший на обглоданных поленьях, начинает теплиться чуть ярче. Набрав побольше воздуха в несуществующие легкие, Сизиф раздувает огонь. Черно-серые невесомые хлопья золы вместе с волной жара обдают лицо... да, он еще помнит это горячее ощущение на коже, когда дуешь на угли. А вот запах... запах костра, привкус золы на языке — все это уже почти стерлось из памяти. Поэтому он не ощущает ничего, кроме жара.

— Мои секреты тебе не нужны. Им давно пора умереть, — бросив прощальный взгляд на тлеющие листы бумаги, столь заботливо и убористо исписанные его рукой, он добавляет совсем тихо, — и не только им.

Иуда подходит к освободившемуся столу Сизифа и садится на неудобный жесткий стул. На лице отражается недовольство. Он ерзает, прикидывая, чем заменит эту деревяшку, принимает важную позу и, усмехнувшись, поглаживает столешницу и пульт от экранов.

Он толкает в сторону горшок с засыхающим растением. Возможно, запах кофе, исходящий от земли, привлек его внимание, а он и не заметил.

— И это не возьмешь?

— Оставь себе. Зеленый гармонирует с цветом твоей кожи.

Иуда ухмыляется.

— Очень смешно, так сказать. Смотри не напортачь напоследок.

Сизиф криво улыбается: уж он-то не напортачит. Он столько ждал этого дня. Дня Великого перехода. И цена была маленькой. Совсем не маленькой.

Сизиф кидает связку ключей Иуде. Та пролетает мимо неуклюжих пальцев нового владельца, с грохотом распластавшись на столе. Будь здесь все настоящее, на столешнице остались бы вмятины, но их там нет — Сизиф уверен. В конце концов, это больше не его стол, а уж у Иуды не бывает ни царяпин, ни вмятин. Эти жалкие напоминания о настоящем

мире: царапины, пыль, сколы, почему-то упорно лезут именно из Сизифа — человека, который многое бы отдал, чтобы прошлое замолкло навсегда. Он, собственно, и отдал.

Сизиф отворачивается от Иуды и идет к двери. Через несколько минут все закончится. Новый мир откроется перед ним. Мир, в котором все будет иначе.

Сизиф берет за дверную ручку, когда звонит телефон.

— Кто... э-э-э-э, кто возьмет, так сказать? — невнятно спрашивает Иуда.

Сизиф оборачивается: сменщик вопросительно смотрит на него. Телефон продолжает надрываться.

— Считай, меня тут уже нет, — бросает Сизиф, усмехнувшись.

Иуда отвечает на звонок с гордым и самодовольным видом:

— Кабинет Иуды. Слушаю, так сказать, — повисает пауза.

Сизиф уже почти закрывает за собой дверь. Оставить все позади — каждый день своей жизни и всего, что было после...

Иуда меняется в лице:

— погоди, Сизиф... это тебя. К Начальству. Срочно.

ГЛАВА 4

Прямо сейчас

Сизиф заходит в кабинет: яркий свет, круглый стол и трое людей в таких же черных, давящих на горло костюмах, как у него. Что-то во всей этой картине заставляет Сизифа напяться.

Спустя мгновение он замечает четвертого. Тот выходит из тени в углу и встает рядом с Начальством. Вместо стакана в руках у него глиняный горшочек с водой.

Сизиф догадывается о древности этой души.

Четвертый одет во все белое.

Он всегда в белом: Сизиф видит его уже не в первый раз.

— Чем я заслужил такую честь? Награды вроде бы мне уже ни к чему, — бодро говорит Сизиф, демонстративно остановившись у двери.

Он не проходит вглубь кабинета и не садится за стол. Всем своим видом он старается показать, что его место уже не здесь.

Мужчина с безликим, хмурым лицом, одетый в черное, произносит с притворной вежливостью и участием:

— Мы бы попросили вас задержаться на некоторое время.

Лицо Сизифа едва заметно меняется. Челюсть поджимается, скулы как будто начинают выпирать немного сильнее. Неприятная мысль режет сознание.

Он бросает взгляд на тыльную сторону запястья — маленький экран электронного браслета, которые носят все «работники».

— Время, как мы знаем, понятие неопределенное. Особенно здесь, — говорит Сизиф как можно спокойнее.

В ответ на его взгляд чувствительный экран начинает светиться. «Очки: 100%».

Челюсть слегка расслабляется. Но чутье подсказывает: надо быть собранным и держать ухо востро.

— Не волнуйтесь вы за свои баллы: с ними все в порядке, как и с вашим переходом.

Разумеется, Начальник заметил этот быстрый взгляд, брошенный на часы. Сизифа злит, что они так запросто читают его мысли. Будто без спроса залезают в твою детскую комнату, роются в вещах и читают постыдные строки твоего дневника. Дети ведь должны быть ангелочками, без предвсудительных мыслей и желаний. А он, кажется, никогда таким не был. Ни в одном из своих «детств».

Начальник в черном продолжает:

— Речь идет о вашей протее. О том, что она натворила.

Сизиф отступает назад. Его рука тянется к дверной ручке. Этот номер у них не пройдет. Он уходит.

Сегодня.

Сейчас.

— Э, нет, ребята, это уже не мое дело, — так он с ними еще никогда не разговаривал, но только так он может показать, что больше им не принадлежит, и отлично знает это. — Вам не удастся убедить меня задержаться тут ни на минуту.

Начальник в черном молча кидает Сизифу папку. Прекрасная реакция дает о себе знать — Сизиф принимает подачу.

Он колеблется.

Внутреннее чутье говорит ему: не открывай.

Слышишь!

Не открывай!

— Это ничего не изменит, — предупреждает Сизиф, открывая папку.

Но затем выражение его красивого скуластого лица меняется:

— Вот черт!

— Я бы попросил не использовать таких слов, — осекает его Начальник в черном.

Сизиф пропускает замечание мимо ушей:

— Шансов на спасение нет?

Начальник в черном выдерживает паузу. Едва заметная улыбка трогает уголки его губ.

Сизиф и сам понимает, что заглотил наживку.

— Прежде чем вынести окончательное решение, — нарочито растягивая слова, говорит Начальник, — мы должны понять, как все было.

Пауза.

Черные глаза Начальника сверлят Сизифа.

— Но вы вправе отказаться — добавляет он. — Если очень спешите.

«Если очень спешите».

Если очень спешите...

Сизиф горько усмехается.

Мгновение он колеблется.

Да кого он обманывает?

Он, конечно, очень спешит. Он спешит уже так давно, что потерял счет времени. Что изменят несколько лишних минут?

Сизиф прикусывает губу, кидает быстрый взгляд на дверь. Там, за ней, то, ради чего он существовал все это время. О чем даже не имеет представления, но твердо знает, что именно оно ему необходимо. Взгляд снова соскальзывает на браслет.

«Очки: 100%».

Не будь кретином, Сизиф.

Открой эту чертову дверь. Выйди и закрой ее за собой так крепко, как только сможешь.

Не будь кретином.

— Что именно вы хотите знать? — поморщившись, тихо спрашивает он и делает шаг ближе к круглому столу.

— Расскажите все с самого начала, — произносит Начальник в белом.

За все это время Начальник в белом заговорил с ним впервые.

Сизиф отодвигает стул и садится. Он кладет папку на стол, отталкивает ее и делает глубокий вдох, приготовившись к рассказу.

— Тогда я начну с ее смерти.

ГЛАВА 5

За три месяца и 21 день до конца

Громко и назойливо звонил телефон.

Липкие лапы сна не хотели выпускать Лизу, но звук был слишком настойчив.

На мгновение он оборвался. Появилась надежда остаться в тяжелом, придавившем к кровати забытья, но тут телефон снова подал голос.

Ненавижу...

Лиза — женщина двадцати девяти лет — поморщилась. Следы потекшей туши и пятна полустертого тонального крема делали ее лицо еще непригляднее.

Голова болела. Неподъемная и будто чужая.

Наконец Лиза приоткрыла опухшие веки. Солнечные лучи больно резанули глаза. Она застонала и потянулась к старому телефонному аппарату. Убогая комнатуха будто давила на нее со всех сторон.

Бардак, который не разобрать и за год, отваливающаяся, вся в подтеках штукатурка в углах тут же напомнили ей, где она проснулась на этот раз.

Дома.

Рука Лизы нащупала трубку, по дороге опрокинув что-то с тумбочки.

— Надеюсь, это что-то важное, вашу мать.

Повисла пауза. Еще секунда — и Лиза заснула бы прямо с зажатой между плечом и щекой трубкой.

— Э-э-э... добрый день. Вам звонят из клиники «Медицина Про». Ваш контакт был в списке нашего пациента...

— Ошиблись номером, мать вашу, — перебила Лиза, собираясь повесить трубку.

— Подождите... Вадим Терентьев — это ваш отец?

Лиза замерла на мгновение.

Воспоминания неприятно шевельнулись в голове.

Вадим Терентьев...

Есть имена и лица, при воспоминании о которых внутренности сжимаются в ком. Даже если годами убеждать себя, что они стерты из памяти к чертям собачьим.

Вадим, мать его, Терентьев.

— Он умер сегодня рано утром, — с явным облегчением, что ему удалось договорить, закончил голос. — Примите наши соболезнования.

Голос... Лизе казалось, он принадлежит какому-нибудь прыщавому аспиранту, подрабатывающему на ресепшене. Может, он впервые в жизни сообщает о смерти родственника.

Да, малыш, первый опыт лучше было бы получить с кем-то другим. С тем, кто реагирует так, как тебя готовили.

— А... Вы ветеринар? — проговорила Лиза, вытаскивая пальцем скатавшуюся тушь из уголка глаза.

— Что? Простите, я не понимаю...

— Ну козлов ведь ветеринары лечат, да? Удачи тебе, парень. Лиза положила трубку.

Мгновение она смотрела на коричневые потеки в углу комнаты.

Было бы хорошо снова заснуть... Но сон ушел.

Внутри зашевелилась пустота.

Лиза очень хотела заполнить ее злостью, мерзкими, саднящими воспоминаниями, которые никогда никуда не девались. Эти воспоминания были ее собственной душевной анестезией. Но почему-то сейчас они исчезли. В самый неподходящий момент.

Пустота разрасталась.

«Ты упустила свой шанс» — прозвучал голос в голове.

Да пошел ты!

Пошел ты...

Лиза встала, сунула ноги в стоптанные тапки, не глядя сгребла с тумбочки сигареты и зажигалку и ушла в ванную.

Она закрылась, будто бы в ее крохотной квартирке был кто-то, кроме нее.

Уже через час Лиза стояла возле знакомой до мелочей двери. Столько раз она сидела под ней ночами, изучая каждую трещинку, в ожидании, когда он придет... или когда откроет.

Он давал ей все, что нужно: забытье и капельку любви. Той любви, которую она сама могла принять и переварить, ведь на большее ее бы и не хватило.

Наконец Штырь открыл.

Тощий парень в наколках, чуть младше ее, но куда более уверенный в себе. Он никогда не терял уверенности, что бы ни происходило. Лизе это казалось чем-то запредельным.

На Штыре были только растянутые трусы. Он остановился и, почесывая впалый живот, окинул Лизу быстрым незаинтересованным взглядом.

— Чего тебе?

Лиза шагнула внутрь, чтобы он не закрыл дверь при ее следующей фразе:

— Мне нужна доза. Сейчас.

— А расплатиться хватит, сладкая?

Лиза заглянула в квартиру поверх костлявого плеча с синим драконом. Дракон смотрелся жалко; он тоже выглядел костлявым.

На обшарпанном диване в забытьи валялись двое парней.

Лиза положила ладонь на руку Штыря и посмотрела ему в глаза. Когда-то это хорошо срабатывало.

— Мне надо, понимаешь? Не хочу ни о чем думать сегодня.

Штырь скинул ее руку:

— Только не надо грузить меня своим дерьмом.

На слове «дерьмо» из спальни Штыря вышла полуголая девица. Нетвердой походкой она направилась к ванной, не обращая внимания ни на парней, ни на Лизу.

«Под кайфом», — Лиза хорошо знала этот мутный взгляд.

Девица заняла ее место. Это она теперь забывалась в тощих объятиях, погруженная в облако сладких цветных образов.

Лиза с тоской проводила девицу взглядом.

— Я расплачусь, как она.

Штырь усмехнулся.

Да чтоб тебя... есть черта, за которой уже никто не помнит, что у тебя когда-то было достоинство. Кажется, Лиза пересекла эту черту... и не один раз.

— Это мне больше не интересно, малыш, — несколько мгновений он смотрел на нее: жалкую, дерганую, мусолящую край старой куртки. — Но ладно...

На мгновение Штырь исчез, а затем вернулся и протянул Лизе таблетку.

Не то, на что она рассчитывала, но хоть что-то.

Лиза потянулась к таблетке, но Штырь отвел руку. Она снова потянулась, и он снова убрал руку. Его это забавляло. Лизу тошнило от самой себя, но она готова была перетерпеть тошноту.

— Дозу нужно заработать, сладкая. Сегодня, через три часа.

Лиза снова потянулась за таблеткой. Как дрессированная собачонка. Она знала, что Штырь ждет от нее именно этого. Но сегодня ей так нужна была доза.

— Ладно. В последний раз!

Губы Штыря расплылись в кривой ухмылке, и он положил, наконец, таблетку на ладонь Лизы. Затем потрепал ее по щеке, как ребенка, заслужившего стишком конфету.

— Послушная девочка.

Позже Лиза полулежала на полу, прислонившись спиной к стене. Стена была жесткая и холодная, но Лиза этого не чувствовала.

Ей было хорошо.

Ей было хорошо уже хотя бы оттого, что было никак.

Она ловила цвет, запах и вкус своих ощущений.

Она ловила пустоту внутри.

На лбу выступил пот. В глазах было пусто. Мутные глаза... Как она и хотела. На лице застыла плоская, безжизненная улыбка.

Мимо прошел Штырь... ее взгляд не поспевал за ним.

Будто издалека, через пелену, она видела, как он, расплывчатый и яркий, взял из ящика пистолет и засунул за пояс. В груди стало тепло.

Почему-то подумалось о козлах...

В памяти всплыл голос прыщавого парнишки с ресепшена «Медицины Про».

«Вадим Терентьев — это ваш отец?»

Потом пришли образы коз и коров, которых она видела на живодерне отчима.

Тепло на мгновение ушло. Пусто и холодно.

Но таблетка была хорошей.

Тепло вернулось.

— Штырь... ты меня любишь?

Расплывающийся Штырь наклонился к Лизе. Лиза не знала, сколько он молчал. Может, мгновение, может, целую вечность.

Она с надеждой смотрела на него.

Его лицо расплылось в ухмылке и тощая, но необыкновенно тяжелая рука небрежно похлопала ее по плечу:

— Не дури, сладкая.

Теплота скукожилась.

Ничего. Она вернется.

Таблетка хорошая.

Штырь вышел из комнаты.

Лиза медленно перевела взгляд на яркий экран телевизора. Красивая, прилизанная дикторша с бесстрастным видом тараторила без остановки. Лиза с трудом разобрала слова «эпидемия», «Китай», «смерти».

Все это далеко.

Все это не имеет к ней сейчас никакого отношения.

Дикторша исчезла, и появились плачущие люди и больничные палаты в небольшой китайской провинции.

Таблетка хорошая.

Теплота сама по себе уже шевелилась в груди.

Лиза закрыла глаза.

Ночь подкралась незаметно.

Трое: Штырь, Лиза и какой-то парень, которого она смутно узнавала, но не могла вспомнить, вломились в аптеку.

Было темно и пахло медикаментами. Маленькая стерильная аптека с дорогими лекарствами. Штырь объяснил, что сю-

да привозят заказы для тяжелобольных. Каждый такой заказ можно удачно слить на черном рынке.

Лиза не задавала вопросов. И слушала вполуха.

В машине она спросила:

— Почему сюда?

Думала, они опять поедут в какую-нибудь лавочку с телевизорами.

«А что такое, сладкая? Стало жалко богатеев, которые промывают свои задницы в частных клиниках?»

Таблетка все еще владела ее разумом, путая мысли и рождая странные образы.

«Вадим Терентьев — это ваш отец?» — спрашивал прыщавый подросток из живодерни отчима.

— Нет, — ответила Лиза.

Дальше она почти не слушала, а Штырь все болтал.

— Представь толстосумов, уверенных, что купили себе жизнь. Завтра их будет ждать большой сюрприз: их выигранный билетик отправился к кому-то другому. И это сделал я. Не долбаный Господь Бог, а я.

Желтые лучи фонариков прорезали стерильную темноту аптеки.

Трое грабителей рыскали по полкам в поисках наживы. Штырь искал самые дорогие лекарства, а в задачу Лизы и плохо знакомого парнишки входило кидать в мусорные мешки все, что можно было бы «сплавить» друзьям.

Лиза кидала без разбора. Медленно. Вдыхая запахи. Темнота плыла перед глазами чуть медленнее, чемдвигающиеся люди.

— Малой, — прошипел Штырь, — помоги вскрыть ящики.

Резкий звук. Лиза запоздало вздрогнула — это Малой уронил какую-то склянку.

Штырь снова зашипел:

— Урод! Разбудишь сторожа — сам разбираться будешь.

Обшаривая полки, Лиза подошла к двери в подсобку. И увидела человека.

Старый, заспанный мужчина. В руках пистолет.

Лиза смотрела на него безучастно, перебирая в голове варианты, кто бы это мог быть.

Видя, что Лиза никак не реагирует, мужчина прижал палец к губам, показывая ей, чтобы она не кричала.

Вариант нашелся.

Он выскользнул из подсобки и резким движением врубил яркий, белый свет.

Только теперь Лиза ошарашенно оглянулась на Штыря.

Сторож проорал:

— Бросай, что награбил, скот поганый! Милиция уже едет!

И направил пистолет на Штыря.

Малой со своим пакетом был вне зоны видимости сторожа. Поскользнувшись на рассыпанных таблетках, он стремглав выбежал из аптеки. И мешок с собой прихватил.

Сторож не успел среагировать.

— Гнида! — выругался Штырь вслед поделнику.

Затем обернулся на застывшую, как восковая кукла, Лизу. Что-то крикнул. Слова дошли до нее не сразу:

— Не дергайся, сладкая, у этого огрызка нет оружия. Нельзя им. Это пугач.

Старик, должно быть, носил очки. Сейчас, без них, он шурился. И выглядел жалко.

— Сейчас ты пожалеешь, старпер, что не набухался сегодня вусмерть.

Штырь медленно, с наглым видом двинулся на сторожа.

Тот чуть опустил пистолет и выстрелил...

Он выстрелил Штырю прямо в живот.

Штырь, покачнувшись, повалился на спину, скрючился на полу, поджав ноги, и схватился за ребра.

Он тихо стонал — дыхание перехватило.

«Это все картинка в телевизоре... сейчас появится вылизанная женщина-диктор», — говорила себе Лиза.

Сейчас...

Но женщина не появлялась.

Перед глазами Лизы все плыло, а внутри вяло шевелилась теплота.

Штырь по-прежнему корчился на полу.

При падении его пистолет — тот, который он засунул себе за пояс, вывалился и откатился к ногам Лизы.

— А... Твою мать... сука! Убью! Сука... мама... — выл Штырь.

Лиза сделала неуклюжее движение к нему.

— Стой где стоишь, девочка, — не глядя на нее, приказал сторож. — Это травматическое оружие. Убить не убьет, но изуродовать может.

Потом он шагнул к Штырю:

— Дернешься — выстрелю в глаз.

Слабый красно-синий блик отразился в витрине — послышалась полицейская сирена.

— Стреляй в него, Лизка! — прохрипел Штырь, брызгая слюной. Где же прилизанная дикторша? Где же она? Этот сюжет затянулся. — Не убежим — я сяду на хренову тучу лет... мы оба сядем...

Лиза с трудом слышала сирену — ее заглушал какой-то ритмичный стук. Чуть позже Лиза поняла — это стучала кровь в висках. Лицо Штыря, лицо сторожа — все расплывалось перед глазами.

Вот бы переключить канал...

— Стреляй! Стреляй, чтоб тебя! — орал Штырь. — Я люблю тебя, Лиза.

Я люблю тебя...

Теплота едва заметно шевельнулась в груди.

Я тоже люблю тебя...

Дрожащая рука Лизы подняла пистолет.

Она направила ствол на сторожа, испуганно глядя на Штыря.

— Не делай этого, девочка, — тихо сказал старик, выставив левую руку вперед.

— Штырь... — Лиза не узнала свой сдавленный, такой детский голос.

— Стреляй!

Охранник совсем расплылся.

В ушах гремело: «Стреляй, стреляй, стреляй!»

Охранник шагнул к Лизе.

— Не подходи! — крикнула она.

Это какой-то плохой фильм. Затянувшийся и очень-очень плохой.

Вот бы нажать на кнопку «Выкл».

— Послушай, дочка...

Лиза неожиданно изменилась в лице. Выражение стало жестким и твердым.

От слова «дочка» внутренности сжались в ком.

Размытый охранник приобрел знакомые очертания. Коротко стриженные темные волосы, яркие серые глаза.

«...ваш отец?..»

В ушах зазвенело еще сильнее.

— Пошел ты, папаша... — прошипела Лиза.

Сирены приближались.

Яркие сине-красные отблески падали то на лицо Штыря, то на лицо Лизы.

— Стреляй, дура! — орал Штырь.

Охранник снова сделал шаг к Лизе, протянув к ней руку.

Стук в висках.

Залитые потом слезящиеся глаза...

Черты коротко стриженного человека с серыми глазами стали отчетливее.

«Дочка»...

Лиза зажмурилась...

Выстрел.

Охранник упал на холодный кафельный пол.

Тошнота подступила к горлу.

Ей хотелось отключиться, но сознание все еще балансировало где-то между «здесь» и «там».

— Штырь, — прошептала она, освещенная красным светом.

Красный сменился синим.

Штырь вскочил и, продолжая держаться на живот, выскочил через заднюю дверь.

Мгновение... еще одно...

Люди в полицейской форме ворвались в аптеку.

Лиза стояла посреди зала с пистолетом в руках.

Возле нее, в крови, лежал старый сторож.

Красное, бугристое лицо полицейского исказилось: он что-то кричал Лизе.

Она ничего не слышала.

По губам можно было бы понять: «Бросай пистолет!»

Лиза отмахнулась от полицейского. Пистолет по-прежнему в руке.

Снова выстрел.

Темнота...

ГЛАВА 6

Два месяца и 20 дней до конца

Кругом был лес. Ноги цеплялись за трухлявые, влажные коряги. Ветки хлестали по лицу. В оглушающей тишине слышался стон старых сосновых стволов, покачивавшихся на ветру. Запах сырости, мха и хвойной смолы.

Хруст веток под ногами Лизы... но не только под ее.

Она спиной чувствовала, как кто-то приближается сзади.

Лиза бежала по лесу от того, кто шел за ней след в след. Бежала со всех ног, глотая ртом промозглый воздух.

И снова зацепилась за что-то влажное и толстое. Лиза упала — пальцы ощутили мягкий, скользкий мох.

Она обернулась и попыталась отползти подальше.

Идущий за ней приближался.

Внутри все сжалось. Крохотные напряженные глотки воздуха казались оглушающе громкими.

Хруст веток под ногами.

Одна сломалась...

Еще одна...

И еще...

Теперь Лиза смогла разглядеть темную фигуру и лицо... Но оно тут же сменилось другим, а потом третьим. Лица мелькали, как на экране. Некоторые казались смутно знакомыми, и от этого ее дыхание учащалось.

Отвернуться. Не смотреть.

Но не смотреть не получалось.

И вот лица стали сливаться. Правый глаз от одного, левый — от другого, то ли рот, то ли кровавое месиво...

Лиза закричала, закрывшись руками. Что-то холодное коснулось ее щеки. Пистолет. Она по-прежнему держала его в правой руке.

Хруст ветки...

Еще одной...

Немедля ни секунды, Лиза выстрелила.

Она кричала и стреляла. Дрожь была такой сильной, что тело почти не чувствовало отдачу от выстрела.

Она стреляла и стреляла, но человек не падал.

Он и не думал умирать.

Хруст ветки...

Еще одной... Снова...

Уже совсем близко.

Пистолет был еще в руках Лизы. Только бы не увидеть в этой мешанине лиц то единственное, которое она знала так хорошо. Знала, но не помнила.

Остается только одно...

Холодное дуло у виска...

Некто сделал еще один шаг.

ГЛАВА 7

За три месяца и 15 дней до конца

Сизиф бодро шагал по длинному коридору Промежуточной небесной канцелярии. Он спешил. За ним, едва поспевая, семенила приземистая женщина с бледным лицом. Она бесконечно что-то бубнила, рассказывая о «вопиющем» случае, потрясшем канцелярию впервые за очень долгое время.

Сизиф не слушал.

Мимо, кто с бумагами, кто со свитками, проходили другие служащие. Они перешептывались, поглядывая на большие экраны, висевшие в коридоре. Было очевидно, что все разговоры сейчас об одном. О том же, о чем без конца щебетала бледная, не поспевавшая за Сизифом женщина.

Почти все служащие носили одинаковые черные костюмы. Форма в любую эпоху была способом размыть индивидуальность, снять с себя ответственность. Многие здесь рано или поздно начинали ее любить, даже несмотря на давящий воротничок.

Лишь один служащий в коридоре был одет иначе — Бенедикт: толстяк в средневековой грубой рясе монаха. Лицо, точно вырубленное по эскизам Босха: грубоватое и в рытвинах, кривые зубы и обязательно свитки в руках — удивительно, как люди цепляются за то, чего уже давно нет. И зачем ему это страшное лицо? Зачем это имя? Сизиф никогда не здоровался с Бенедиктом, потому что тот его раздражал. Бенедикт

был его полной противоположностью: держался за все, чем был до смерти.

Монах же, напротив, каждый раз, увидев Сизифа, спотыкался от волнения и заливался краской. Красные рытвины на лице смотрелись еще уродливее, чем бледные.

Вот и сейчас Бенедикт остановился, как-то весь скукожился и неуверенно произнес:

— Сизиф! Доброго здоровьица.

Сизиф прошел мимо, молча.

Монах, помешкав, поплелся прочь. Он не расстроился — привык.

— Кандидат готов? — спросил Сизиф, перебив женщину.

— Мы прокручиваем уже третий цикл чистки, — неохотно ответила та, ее явно гораздо больше волновала совсем другая тема, — но кармических следов слишком много. И еще...

Женщина достала из внутреннего кармана прямоугольный объект, похожий на айпад.

Сизиф усмехнулся — сразу видно, надеется вернуться вниз, поэтому следит за мыслеформами ныне живущих. Он тоже знал про компьютеры и айпады, но лишь по той причине, что они помогали быстрее и легче организовать мысли и воспоминания объектов. Наглядно.

Женщина потыкала пальцами в свой небесный айпад, перелистывая вкладки с графиками, и пожаловалась:

— Не знаю, в чем дело, но я не могу получить доступ к ее прошлым жизням. Блокировано кем-то.

Разговор прервал ролик, вновь запустившийся разом на всех экранах. Служащие замерли, подняв головы.

Спутница Сизифа тоже хотела остановиться, но он продолжал размашисто шагать вперед. И она, нахмурившись, пропустила следом.

Краем глаза Сизиф видел, что показывали на всех экранах: симпатичного мужчину средних лет. Затем изображение начинало распадаться на мельчайшие частицы, на атомы.

— Он преступил непреложный закон, — холодно вещал электронный голос.

Сизиф мечтал, что когда-нибудь тот же самый голос скажет ему совсем другое: типичное прощание при переходе на-

верх, которое редко кому удается услышать. Этого Сизиф ждал больше всего на свете. Но сейчас голос вещал иное, бесконечно повторяя:

«Уничтожен без права восстановления.

Уничтожен без права восстановления.

Уничтожен без права восстановления...»

Семящая за Сизифом женщина неотрывно смотрела на экраны и утирала глаза краешком рукава.

— Идиот, — констатировал Сизиф, не глядя на распадающееся изображение мужчины. — Третий на моей памяти.

Женщина оживилась. Видимо, все это время она только и ждала, когда Сизиф заговорит об уничтоженном... как же его звали?

— Второй, — прошептала она, неожиданно прибавив шагу. — В наших закрытых чатах пишут, что Безымянного не тронули. Только сослали.

Сизиф закатил глаза:

— Господи, даже здесь теории заговора. И кто же его прячет? Жидомасоны? Рептилоиды? Меньше надо слушать всякий бред.

Женщина снова нахмурилась и немного ссутулилась.

Наконец они подошли к нужному им боксу. В белой двери было маленькое окошко, как в камерах буйнопомешанных в психушке.

Сизиф помедлил мгновение, чем удивил свою насупленную спутницу, а затем заглянул в окошко. В боксе на стуле, одетая в безразмерную серую робу, сидела Лиза. Руки и ноги крепко зафиксированы, на голове — прибор, похожий на шлем виртуальной реальности.

Лиза дергалась, рычала, царапала ногтями подлокотники.

— Борется, — тихо сказал Сизиф.

— Не понимаю, почему ты ее выбрал, — женщина теперь говорила с заметным холодком, шутка про рептилоидов ей явно не понравилась, — Она плохой кандидат: непослушна, недисциплинирована, озлоблена. К тому же слишком запутанная кармическая история.

Сизиф отодвинулся от окошка в двери и невесело усмехнулся.

— Да, все как я люблю. Открывай.

ГЛАВА 8

Прямо сейчас

— Осознав, где находится, ваша протеже сразу согласилась сотрудничать? — спрашивает Начальник в черном.

Второй начальник в черном раскладывает перед Сизифом документы из папки: файлы про Лизу и ее фотографии.

Несколько штук.

Первая сделана еще до смерти. На второй Лизу можно узнать разве что по выражению глаз.

И еще одна.

Фотография мужчины, чье лицо он предпочел бы не видеть.

«Ты идиот, Сизиф».

Образ двери, которая находится позади, жжет ему спину.

Сейчас он шел бы по направлению к свободе.

— Ага, как же, — отвечает Сизиф. — Согласись Лиза сразу, она была бы не она.

ГЛАВА 9

За три месяца и 15 дней до конца

Сизиф зашел в абсолютно белую комнату.

Стула и шлема здесь уже не было.

И вообще ничего не было.

Яркий белый цвет резал глаза. Проведи здесь час — и перестанешь понимать, где ты и каковы размеры комнаты. Проведи неделю — перестанешь понимать, где верх, где низ, когда день, а когда ночь.

Лиза забилась в дальний угол, все еще одетая в безразмерную серую робу. Она встретила Сизифа звериным взглядом.

«Я уже видел этот взгляд. И не раз», — пронеслось у него в голове.

— Кто ты, на хрен, такой? — с вызовом и старательно скрываемым страхом спросила Лиза. — Главный садист?

Сизиф невесело усмехнулся и приподнял бровь:

— Ох нет, я далеко не главный.

— То есть будут и другие? Козлы похуже тебя?

— Ну же, Лиза, ты можешь отвечать остроумнее. Постарайся.

Лиза состроила гримасу и показала средний палец. Движение было неуверенным.

Бойтся.

Сизиф подошел ближе. Она очень старалась не моргать и не отводить взгляд, будто пыталась просверлить в его черепе дырку сверлом своей ненависти.

Сизиф снова усмехнулся и сделал три шага назад — теперь у него в руке был стул. Он уселся посреди комнаты, закинув ногу на ногу.

Лиза ошарашенно огляделась вокруг, на мгновение позабыв о своем взгляде-сверле:

— Его здесь не было. Как ты...

Этот старый фокус на самом деле уже порядком надоел Сизифу, но он знал: на Лизу это сейчас произведет нужное впечатление.

Да, стула в комнате не было.

Строго говоря, он и сейчас там не появился.

— У тебя есть идеи относительно того, куда ты попала? — спросил Сизиф, проигнорировав вопрос.

Лиза лишь обожгла его злобным взглядом. Если бы только в ее руке сейчас была дубинка, Сизифу бы не поздоровилось.

— Пошел ты!

Сизиф лишь переменял позу, положив сверху другую ногу.

— Так ты начала отвечать лет с шести, верно?

Сизиф машинально достал из внутреннего кармана электронный планшет.

Нажал какие-то кнопки, — и чистейшие белые стены засветились яркими пятнами. Пятна быстро приобрели очертания и вскоре слились в изображение восьмилетней девочки с такими же карими, как у Лизы, глазами.

— Что за... откуда у вас моя детская фотография?

— Эпизод первый, — объявил Сизиф.

Картинка ожила. Школьный двор возле многоквартирного дома с облезлой детской площадкой. Лиза играла в песочнице, больше похожей на гигантскую пепельницу. Кто-то из мальчишек подбежал и отнял игрушку. Они не знали, что эта игруш-

ка была последней оставшейся от отца вещью. После его ухода мать собрала в кучу все, что ему принадлежало, и сожгла в ванной, чуть не спалив квартиру.

«Его больше нет».

Его и в правду больше не стало. Для Лизы. Или Лизы для него. Тогда она так с этим и не разобралась.

К мальчишке присоединился еще один. Оба возвышались над маленькой Лизой и смеялись: «Что ты нам сделаешь, девчонка?»

Звериный, загнанный взгляд загорелся в карих глазах. Взгляд, который появился за год до этого и не исчезнет до самой смерти Лизы. И даже после... Маленькая Лиза сжалась. Мальчишки заржали еще громче, решив, что она сдалась, но ошиблись. Как зверь, восьмилетняя девочка прыгнула на парня, державшего в руке ее игрушку. Они повалились на землю. Лиза остервенело била его по лицу, потом укусила за ухо. Две большие волосатые руки подхватили ее сзади и оттащили назад. Девочка, не глядя, ударила и того, кто схватил ее. Это оказался ЗАВУЧ...

Лиза в безразмерной серой робе смотрела на экраны не моргая, забыв, где находится.

Она вздрогнула, когда Сизиф снова подал голос:

— Эпизод номер два.

Восьмилетняя девочка стояла в тесном кабинете. Перед ней был человек в форме и стол, заваленный толстыми картонными папками.

Она сидела опустив голову, но тяжелое, грудное дыхание выдавало злость, а не смирение.

— Сначала одна школа, потом другая, — прокомментировал Сизиф, включая новый эпизод.

Девятилетняя Лиза сидела за партой в новой школе. Мальчишка за спиной передал ей записку. Лиза прочла, схватила с парты толстый учебник и с размаху ударила им парня по лицу. Из веснушчатого носа фонтаном хлынула кровь. Маленькая Лиза сжалась: она уже знала, чем это закончится. Но если бы ситуация повторилась, поступила бы так же.

Она просто не могла иначе. Иногда хотела, но не могла, будто была заводной куклой с прописанным внутри сценарием. Или игрушечным поездом, который может двигаться только по кругу проложенных рельсов.

— Дальше — заведение для трудных подростков, — продолжал Сизиф, — смерть матери и детский дом.

Наконец картинки из детства остановились.

Лиза ошарашенно посмотрела на Сизифа.

— Откуда ты...

— Что там у тебя было травмирующей ситуацией? — он снова проигнорировал ее вопрос. — У каждого она есть. Дай-ка вспомнить.

Он снова принялся жать на экран планшета. На стенах замелькали целые пласты жизни Лизы. Сизиф перелистывал их, словно страницы в книге.

Лиза опять нахмурилась и сжала зубы, как делала всегда, когда злилась. Потом медленно встала на ноги: так она чувствовала себя устойчивее и увереннее во всем этом безумии.

— Да кто ты, на хрен, такой? Гребаный мент?

Сизиф будто бы не слышал. Бывали кандидаты, задававшие вопросы поинтереснее.

— Фантазией ты не отличаешься. Но, может, оно и к лучшему. Ага, нашел, — он перестал листать. — Тот любовник твоей матери-алкоголички.

Картинка на стене вновь задвигалась. Это застало Лизу врасплох. Увидев до боли знакомые стены, крошки под столом, под которым она часто пряталась, и большие драные тапки, она сжалась и снова опустилась на пол.

— Где ты, мерзкая дрянь? — кричал хриплый мужской голос.

Лизе почудилось, что даже сквозь экран ее обдало вонью его тапок.

— Думаю, подробности напоминать не нужно, — Сизиф остановил картинку в тот момент, когда на экране показалось лицо отчима: крупное, блестящее от пота, с перебитым носом.

Лиза стащила с ноги ботинок и изо всех сил швырнула в экран, где застыло ненавистное лицо.

Изображение пошло помехами.

Лиза повернулась к Сизифу:

— Где я, черт возьми?

— В некотором смысле вопрос адресован верно, — рассеянно откликнулся Сизиф, продолжая тыкать в планшет. — А вот трогательная сценка, глянем ее. Папаша ненадолго забрал тебя к себе, к своей новой жене и сынишке.

— Я не хочу больше это смотреть! Выключите! — начала Лиза, но увидев младенческое личико брата, умолкла.

Двенадцатилетняя Лиза держала на руках полугодовалого младенца. Она несла его в ванную. Она все сделала как велено. Ей так хотелось заслужить похвалу папочки, который объявился через месяц после ее заточения в детдоме, чтобы забрать дочь к себе. «Дать ей шанс», как выразился в машине отец, когда они ехали в дом к его новой женщине. Отец сказал это, не оборачиваясь, просто бросил на нее взгляд в зеркало заднего вида.

Лиза старалась стать частью семьи. Правда, старалась.

Тот малыш, он ведь ей даже нравился. Лиза радовалась, когда его оставляли с ней, доверяя, как взрослой. К тому вечеру она прожила в доме отца уже два месяца. Полюбила свой уголок в гостиной, где ей выделили спальное место. И очень старалась не ненавидеть тощую женщину, ставшую женой отца.

В тот вечер ребенка снова оставили на Лизу. Она хотела испкупать малыша. Вычистила ванную, тщательно смыла хлорку, проверила температуру, опустив, как это делала мачеха, в воду локоть, побросала резиновых уточек и разноцветные круги от пирамидки.

Воды было на самом дне — чтобы только поверхность ванной нагрелась и ребенок не замерз. Лиза хотела порадовать младенца и добавить в воду пены. Пена в бутылке кончилась, но Лиза знала, что в кладовке есть еще одна. Она оставила малыша в ванной, пока набиралась вода и пошла в кладовку.

Это ведь всего минута...

За минуту воды в ванной может прибавиться больше, чем двенадцатилетняя Лиза могла предположить.

Она не слышала, как захлебывался ребенок.

Но услышала, как посыпались на пол продукты из сумки мачехи, которая, едва войдя в квартиру, все поняла и бросилась в ванную.

Следующее, что помнила Лиза, это звонкая, обжигающая пощечина.

«Ты упустила свой шанс», — только и сказал отец, отвозя ее обратно в детский дом. Он сказал это, бросив взгляд в зеркало заднего вида. Не обернувшись.

Лиза знала, что видит отца в последний раз.

В ту же ночь она сожгла в ванной детского дома единственную оставшуюся после него игрушку, из-за которой когда-то подралась с мальчишкой. Ее, конечно, сильно наказали. Но это было неважно.

— Снова детский дом. Теперь уже навсегда. Как и ненависть в твоей душе. Потом были наркотики, грабежи. И вот теперь — убийство. Я знаю о тебе все, — чеканя каждое слово, проговорил Сизиф.

Лиза, не отводя взгляд, смотрела на экраны, показывавшие детский дом.

Ночь. Она лежала на одной из коек в спальне для девочек. И очень тихо, так, чтобы никто не услышал, плакала в подушку. Подушка уже почти душила ее. Зато никто ничего не слышал. Даже она сама.

Сизиф выключил экраны. Они снова стали просто белоснежными стенами.

Придя в себя, Лиза резко обернулась к нему и вскочила на ноги, приняв угрожающую позу:

— Не пудри мне мозг, скотина! Я поняла! Это какой-то долбаный эксперимент в психушке. Я знаю про такие! Имей в виду, выродок, меня есть кому защитить.

Лиза начала оглядываться и громко звать:

— Штырь! Штырь!

— Да неужели? — усмехнулся Сизиф.

Он набрал что-то на планшете. На экране появилась квартира Штыря. Сам Штырь с перебинтованными синюшными ребрами занимался сексом с рыжей девицей.

— И если уж мы заговорили о психушке, — продолжил Сизиф, — то сегодня ты из нее, скорее, вышла.

Он поставил монотонно двигавшегося Штыря на паузу.

Лиза обернулась на Сизифа. В ее глазах были боль и непонимание. Кажется, она устала гадать, что же все-таки происходит.

— Ты умерла, Лиза.

Она усмехнулась.

Потом еще раз.

И еще.

Смешок перешел в истерический хохот.

— Хорошо, что ты принимаешь это известие с таким оптимизмом, — заметил Сизиф.

Продолжая хохотать, Лиза снова показала ему средний палец.

Сизиф опустил голову к айпаду, чтобы скрыть улыбку. Обычно к этому моменту с большинства кандидатов уже слетала спесь.

Картинка на экранах изменилась: аптека, мертвый сторож в луже крови, раскиданные таблетки на светлом кафеле. Лиза с пистолетом. Она направляет его на полицейского.

Мгновение.

Пуля летит в нее.

Мгновение.

Пуля пробивает ей лоб.

Лиза — та, что на экране, — падает на пол, возле сторожа.

Две красные лужи сливаются в одну.

Бледнеющее, безжизненное лицо Лизы на экране крупным планом.

Та Лиза, что стояла в комнате, одетая в бесформенную серую робу, оказалась прямо перед своим огромным лицом. Она видела, как кровь вытекает из раны во лбу.

Лиза в серой робе вздрогнула.

Сизиф знал — ее наконец-то пробрало.

Он догадывался, что происходит в ее голове.

Вот она вспомнила, как старик-сторож падает на пол, как опускается ее рука, сжимающая слишком тяжелый пистолет...

Как убегает Штырь.

А теперь пуля, летящая в нее. Маленькая точка, приближающаяся и такая неминуемая. Горячая и тяжелая.

Сизиф внимательно следил за Лизой.

Сейчас многое зависело от нее.

Очень многое.

Лиза до боли зажмурилась. Подняла дрожащую руку и тронулась до лба. Потом поднесла руку к глазам и медленно открыла их — пальцы были в густой, темной крови. Теплой крови.

Неожиданно Лиза издала почти звериный крик. Она бросилась к тому месту в экранах, где, как она помнила, была

дверь, через которую сюда зашел ее мучитель. Но дверь исчезла. Остался только экран.

— Выпустите меня! Выпустите!

Лиза принялась колотить в стены — на экране оставались кровавые отпечатки рук.

Сизиф не двигался. Он сидел на своем не весть откуда взявшемся стуле и спокойно ждал, когда закончится эта истерика. Он знал: рано или поздно Лиза устанет биться о стену, силы ее покинут, и она будет готова слушать.

Лиза бросилась к другой стене. И заколотила в нее. Там тоже не было двери. Рванулась к третьей, но замерла и отшатнулась — прямо перед ней оказалось лицо убитого охранника. Начала пятиться назад, пока не уперлась спиной в четвертую стену. Тогда она просто сползла по ней вниз, как тряпичная кукла.

— Я умираю, — тихо прошептала Лиза.

Сизиф поднял бровь.

— Мда, туговато до тебя доходит, — он выдержал паузу. — Говорю же, ты уже умерла.

Он снова оттянул давящий воротничок и отложил планшет.

— Да, и крови никакой нет — это память подсознания.

Дрожащей рукой Лиза снова прикоснулась ко лбу — кровь больше не пачкала пальцы. Ее правда не было. Кровавые следы на стенах тоже исчезли.

Лиза пыталась что-то сказать, но губы не слушались. Да и что тут скажешь? Понять бы, уместить в черепной коробке.

Лизу трясло.

Сизиф это заметил, но никак не отреагировал. Пусть лучше потрясет сейчас.

— Что за чертов шлем на меня надевали? — наконец, хрипло спросила Лиза.

— Обычная практика: проработка прошлой жизни.

— Чего? Зачем?

— Чтобы души осознали упущенные возможности, страхи, свои поступки и их негативные последствия. Только тогда их отправляют дальше. Некоторые делают это добровольно, на других приходится надевать шлем и все такое. Но сути это не меняет.

Лиза собралась с силами и встала. Сизиф отлично понимал, что она все еще борется, и потому не хочет сидеть, вжавшись в угол, как напуганная мышь. Будет держать марку до конца. Он очень не хотел этого, но Лиза есть Лиза.

— Дальше — куда? — спросила она тихим голосом.

— Сядь, — скомандовал Сизиф и указал в угол возле Лизы.

Она послушно обернулась — в углу стоял стул.

Лиза уже ничего не спрашивала и ничему не удивлялась.

Она подошла к стулу и на всякий случай потрогала его, проверив на реальность.

Твердый, прохладный, лакированный... самый обычный.

— Слушай внимательно. Я не люблю повторять, — начал Сизиф, вдохнув.

Он хорошо помнил, как нечто подобное впервые говорили и ему. Не хотел бы он испытать это еще раз.

— С каждой жизнью человек накапливает то, что мы тут называем очками, баллами... Ты ведь слышала о карме?

Нахмуренная Лиза только ошарашенно хлопала глазами. Она явно ничего не знала ни о какой карме. Сизиф закатил глаза. Разговор продлится дольше, чем он рассчитывал.

— Понятно. В общем, если карма совсем плоха, человеку дают принудительное и жесткое искупление в новой жизни.

Лиза зажала уши, подняв ноги на стул и уткнувшись лбом в колени.

— Штырь, сукин сын, что ж за дрянь ты мне подсунул?

Сизиф проигнорировал выходку Лизы. Он знал: она слушает. Еще как слушает.

— Обычно такие, как ты, исправлению сопротивляются, а потому тебе светят десятки перерождений, которым трудно позавидовать. Ну, знаешь, мучения, болезни, несправедливость.

Лиза не сдавалась, но говорила уже тише и медленнее: боялась пропустить слова Сизифа.

«Все еще пытается объяснить себе, что происходит. Глупая. Из того мирка, которым ограничено ее сознание сейчас, ей никогда не понять».

— Я обдолбалась... я просто сильно обдолбалась...

— Или...

Сизиф выдержал паузу. Затихла и Лиза. Нет, все-таки точно слушает.

— Или ты можешь стать одной из нас.

— Чего? — переспросила Лиза, забыв про вспотевшие ладони, которые должны были плотно закрывать уши.

Смахнув несуществующую пылинку с костюма, Сизиф как ни в чем не бывало продолжал. Он даже не смотрел на нее. Поскреб ногтем по стеклу планшета, будто стирая какую-то кляксу:

— Отработаешь свои кейсы за сотню-другую земных циклов, исправишь карму служением и сможешь выбрать, как закончить этот мировой Цикл.

Лиза с вызовом усмехнулась:

— Так ты типа гребаный ангел что ли? Чет-то не похож.

— Разве? А так?

Сизиф повернулся к ней профилем.

— Что за хрень ты несешь? — Лиза вскочила со стула и сжала кулаки. Она тяжело дышала. — Кто ты, на хрен, такой? Что за долбанные циклы и очки? И кто, мать твою, эти «вы»?

«Теряет терпение. Не лучший показатель для нашей гнилой работенки. С другой стороны, вечность — достаточно долгий срок, чтобы изменить характер».

Лиза приняла угрожающую позу. Будто вот-вот набросится на Сизифа. Кинула быстрый взгляд на стену; туда, где раньше была дверь, слегка прищурилась — вглядывается.

«Глупая, все еще думает, что у нее близорукость. Ну хоть какой-то приятный сюрприз тебя ожидает, девочка».

Сизиф посмотрел на Лизу в упор.

«Ну давай, кидайся».

— Не люблю эту часть разговора, — устало вздохнул он. — «Мы» — это те, кого люди обычно ненавидят. Кого зовут демонами, бесами, голосами в голове. Да, это грязная работа. Но и она в конечном счете нужна Ему. Так говорят.

— Ему?

Сизиф многозначительно ткнул указательным пальцем в потолок.

— Ему, — повторил он многозначительно. — А мы — просто стервятники. Что касается тебя, то ты лишишься тела, свободы воли и практически всего, что есть у человека.

Лиза вдруг затряслась, засмеялась истерическим смехом. Она как будто бы билась в припадке. И вдруг замолчала и уставилась на Сизифа. Темная прядка волос упала на лицо и прилипла к вспотевшему лбу. Взъерошенная, будто одичавшая, в измятой серой робе, Лиза была похожа на сумасшедшую со стажем... или одержимую.

— Да пошел ты! Ты просто гребаный глюк! Я не верю ни в Бога, ни в черта! Знаю я таких, как ты: сидишь, тварюга, умничаешь, пудришь мне мозг. Да будь весь этот долбанный бред правдой хоть на секунду, знаешь, чтобы я тебе ответила?

— Горю желанием узнать, — ровным тоном ответил Сизиф.

— Что надо быть конченным упырем и импотентом, чтобы торчать здесь вместо того, чтобы жить! Какой угодно жизнью! — закричала Лиза во весь голос. — Верни меня назад! Верни сейчас же, сволочь!

Она сжалась, оттолкнулась от пола, как дикая кошка, бросилась на Сизифа. Выставила вперед костлявые пальцы — чтобы вцепиться ему в горло.

Ее лицо было совсем близко.

Но он не ощутил ни дуновения, ни тепла человеческого тела. Ничего.

Лиза скрючилась на полу позади Сизифа — ее ноги подкосились.

Она пролетела сквозь него и теперь лежала на идеально белом полу, сжавшись в комок; ее передергивало от новых и неприятных ощущений. Будто бы через нее пропустили ток и облили ледяной водой одновременно. Или будто у нее в секунду подскочила температура градусов до сорока. Будто она вся рассыпалась, а потом кое-как, с пробелами, собралась обратно.

Скрюченные пальцы конвульсивно царапали пол. На лбу вздулась синяя вена. Та самая, которую разорвала обжигающая полицейская пуля.

Краем глаза Лиза видела Сизифа. Он по-прежнему сидел на стуле. Снова переменял закинутую ногу.

«Почти как Шэрон Стоун в “Основном инстинкте”», — Лиза всегда поражалась тому, что ей в голову приходили самые неуместные и не подходящие ситуации мысли.

Шэрон Стоун...

Господи, что же происходит?

Господи? Ты здесь? Ты существуешь?

Господи, может быть, тебе лучше и не существовать...

По телу Сизифа, как по потревоженной голограмме, проходили странные помехи.

Именно они напугали Лизу больше всего.

Она в жизни не видела ничего подобного.

Колышущийся силуэт Сизифа подошел к ней и наклонился низко-низко, почти лицом к лицу. Помехи прекратились, и Лиза четко увидела смуглую пористую кожу и темные, почти черные глаза.

— Имей в виду, я дам тебе только одну возможность отказаться, — сказал Сизиф и направился к двери, которая вдруг стала отчетливо видна.

Сделав глубокий вздох, Лиза оперлась на все еще скрюченную руку и приподнялась.

Она видела, как Сизиф вышел из ослепительно белой комнаты, и попыталась проползти за ним, чтобы выбраться.

Однако, как только Сизиф вышел, очертания двери опять исчезли. На экране, прямо перед ней, снова появился крупный план ее мертвого лица. Закатившиеся глаза, открытый беспомощно рот, и струя крови из разможенной черепной коробки.

Лиза зажмурилась, и тихий стон вырвался из плотно сомкнутых губ. Ее снова бил озноб, она обливалась холодным потом.

Лизе было страшно. Она больше не могла скрывать этого. Хотя бы от себя.

Сизиф закрыл за собой белую дверь. Приземистая женщина по-прежнему стояла в коридоре, пялясь на экраны, где все еще распадался на части преступник, а электронный голос вещал о нарушении главного закона их службы.

Услышав Сизифа, женщина вздрогнула, отвернулась от экранов и одернула костюм. Потом принялась листать на планшете файлы Лизы, будто все время только этим и занималась.

— Я же говорила. Она плохой кандидат, — важно произнесла женщина.

— Ничего, я был еще хуже.

Сизиф забрал планшет из ее рук, перевернул и протянул обратно.

Только сейчас она заметила, что держала его верх тормашками, и покраснела.

«Значит, не больше двух-трех человеческих циклов на службе, — подумал Сизиф, — программы подсознания еще контролируют фантом ее тела».

Он пошел прочь, направляясь к подобию кухоньки, где его ждало то, любовь к чему он так и не смог выкорчевать из души, — кофе.

— Так что мне с ней делать? — растерянno окликнула его женщина.

— Загрузите ей демоверсию среднестатистической жизни, — не оборачиваясь, ответил Сизиф, — при ее карме.

ГЛАВА 10

История Бернара и Софии

— Ну хватит, Бернар, хватит, — говорила девушка, накрывая ладонью руку, сжавшую ее коленку под юбкой. — Мне пора.

Стекло запотело. Музыка тихо заполняла салон автомобиля, но Софи ее почти не слышала: Бернар шумно и горячо дышал ей в ухо.

Похоже на картинку из какого-то старого фильма. Она не помнила название, смотрела девочкой, но сцена засела в голове на всю жизнь. Что-то там про корабль.

Надо еще провести рукой по стеклу, мутному от их частого дыхания.

И Софи провела. Холодное стекло оставило на ладони липкую влагу.

Софи загляделась на свое помолвочное кольцо.

Да, определенно как в фильме, только у нее на пальце блестит бриллиант.

— Софи, ты же теперь моя невеста. Какая разница, что полагает твоя мать?

Она с трудом разбирала слова Бернара: его губы вжимались в ее шею, а рука продвигалась все дальше.

Инстинкты требовали продолжить, но разум Софи никогда не выключался. Он был ее счастьем и проклятием одновременно: мысли, холодные и острые, прорывали химическую завесу гормонов.

«Рано».

«Пусть ждет».

Софи засмеялась и игриво шлепнула Бернара по руке.

— Все, до завтра.

Помедлив, она быстро поцеловала его в нос, давая понять, что решение принято. Она контролирует ситуацию. По крайней мере, пока.

— Так нельзя, Софи, честное слово. Я сделал все, как ты хотела. Разве ты не можешь хотя бы...

— Хотя бы что? — с вызовом спросила она.

И улыбнулась одной из тех обворожительных улыбок, которые с детства помогали ей казаться милой, чтобы она ни делала и ни говорила.

Бернар насупился.

Он не мог сказать того, что хотел. Она смотрела на него большими распахнутыми глазами. Любое слово сейчас казалось бы грубостью и пошлостью — Софи отлично знала, что делала. Так ее учила мама: никому не нужны девушки с открытым сердцем; интригуй, дергая за ниточки. Управляй мужчинами с помощью того, чего они так желают. Пока это хоть кому-нибудь нужно. А потом... Но это потом было еще слишком далеко.

— Сама дойдешь? — обиженно спросил Бернар.

До подъезда оставалось совсем немного. Темный двор на днях перекопали: то ли трубы лопнули, то ли какой-то кабель прокладывали. Софи это не интересовало. Она жила в предвкушении того, как съедет от своей вечно хмурой матери в шикарную квартиру Бернара. А это должно было произойти совсем скоро. И она, в отличие от матери, войдет в новый дом законной хозяйкой, и никто никогда не сможет выгнать ее оттуда. Спасибо, мама, за мое красивое лицо. За то, что в ту ночь, когда маленький комочек плоти поселился в твоём животе, ты выбрала для любовных утех рослого парня с синими,

как небо в голливудских фильмах, глазами. Спасибо, мама, за родинку в уголке моих губ. Эта родинка — моя драгоценность.

Обычно Бернар провожал ее до двери, но сейчас ему хотелось показать характер. Ничего, пусть показывает. Через час он позвонит ей сказать, что доехал. Бернар доберется до дома через полчаса, но решит заставить ее поволноваться. Однако он не получит желаемого. Нет. Потому что она ответит ему только через два часа. Пусть звонит ее матери, пусть напишет десяток СМС в волнении, пусть представит себе все ужасы, которые могли произойти с ней в этом темном дворе. Власть... Софи любила ее. Власть над мужчиной. А как же иначе? Иначе он уйдет так же, как отец, отчим и множество других мужчин, которые бросали мать, надавав ей кучу обещаний. Некоторые обещали что-то даже Софи. Но она быстро научилась им не верить.

Так что, Бернар, давай поиграем в твою игру. Я готова играть в твои игры до тех пор, пока они — часть моих.

Софи выпорхнула из машины, махнув Бернару рукой и поцелуй. Сама невинность. Она добила своего. Уже сейчас в том, как он насупился, чувствовались сомнения и вина. То ли еще будет через два часа.

Мой милый Бернар, не волнуйся, будет больно и страшно, но я знаю, куда веду тебя. Я буду хорошей женой. Мы будем счастливы, вот увидишь.

Бернар выждал мгновение, потом все же нажал на газ, чуть резче, чем следовало. Машина сорвалась с места.

Софи посмотрела ему вслед, затем повернулась к дому. Со всем чуть-чуть, и весь этот двор, со всеми его запахами и обитателями, останется в прошлом.

Она подняла голову к небу, затянутому тяжелыми, брюхатыми тучами. Не было видно ни звездочки. Полная луна пряталась за темный бок облака, освещая его кромку:

— Я везучая, — прошептала Софи то ли себе, то ли небу и улыбнулась, закрыв глаза. — Какая же я, черт подери, везучая!

Она вставила в уши наушники и включила динамичную музыку. Пританцовывая и подпевая мимо нот, направилась к подъезду.

Слабо освещенная дверь все приближалась.

Шаг, еще один...

Позади, от тени раскидистого дерева отделились две вытянутые, тощие тени.

И двинулись вслед за девушкой.

Шаг, еще один...

В руке первой тени что-то блеснуло. Острое лезвие карманного ножа.

У второго была пустая пивная бутылка.

Он разбил ее о бордюр.

Софи ничего не слышала. В ушах звучала музыка.

Шаг, еще один...

Кто-то стоял у окна и смотрел вниз, во двор.

Он услышал короткий, пронзительный вскрик, быстро превратившийся в сдавленное мычание.

Несколько мгновений человек все так же смотрел во двор.

Могло бы показаться, что на нем черный костюм с узким воротничком.

Человек закрыл окно и задернул шторы.

Год, два... десятилетие, второе...

Женщина за сорок, бледная, располневшая, лежала, накрывшись давно не стиранным одеялом.

Если приглядеться, можно было различить на ее обрюзгшем лице, изуродованном шрамом, родинку в уголке губ.

Полуседые волосы сбились в нечесаный ком. На ногах, торчащих из-под сбившегося одеяла, — темные пятна пролежней.

Женщина скривила рот в нечленораздельном мычании, будто пытаясь что-то сказать или кого-то позвать.

Пальцы правой руки потянулись к засаленной веревке, на которой висел колокольчик. Эти пальцы — немногое, что двигалось в ее теле и подчинялось ей.

Дотянулась.

Она дергала и дергала веревку, которая то и дело выскальзывала из ее неуклюжих толстых пальцев.

Тишина. Никто не приходил.

Женщина замычала.

Мычание и неровный, гнусавый звон старого колокольчика. Трудно переносимая смесь уродливых звуков.

Ничего. Тишина.

Женщина нахмурилась, поджала губы и тяжело сглотнула. Вокруг ее вялых, бледных бедер начало расплзаться желтое пятно. Мокла и липла к телу ночная рубашка.

Наконец в коридоре послышались шаги, и на пороге появился крупный, одутловатый мужчина. В его опухшем лице смутно различались черты Бернара.

— Чего тебе опять? — невнятно проговорил он, дожевывая бутерброд. Его взгляд упал на желтое пятно. — Ах ты тварь! Опять обоссалась! Лучше б ты сохла тогда!

Двумя быстрыми шагами Бернар подошел к кровати и натыком ударил женщину по лицу. На ее глазах выступили слезы. Она молчала, даже не мычала. Молчание — единственное, что она могла противопоставить ему.

Теперь, когда Бернар оказался так близко, на нее пахло перегаром. Он был пьян. Как и всегда.

Женщина отвернула голову.

Мужчина нагнулся над ней. Запах стал еще сильнее. Бернар схватил ее лицо большой, грубой рукой и резким движением повернул к себе.

Женщина только беспомощно дергала плечом парализованной руки, инстинктивно пытаясь защититься.

— Лучше б ты сохла тогда, мразь, — повторил Бернар, наклонив голову так низко, что почти вдавил свое лицо в ее, подмяв нос. Софи задыхалась. — Как же я тебя ненавижу!

Софи сделала то, что всегда делала — сильно, до боли, зажмурила глаза. Она делала так с того самого дня, когда он из чувства вины женился на ней, потому что врачи сказали, что есть шанс...

Темнота. Темнота. Она желаннее всего.

Темнота...

ГЛАВА II

Тогда же: за три месяца и 15 дней до конца

Темнота...

Неожиданно темнота дернулась, голос Бернара исказился и исчез, запах перегара испарился, и яркий, слепяще белый свет резанул глаза.

Темная высокая фигура стояла прямо перед ней.

Зажмуриться, зажмуриться изо всех сил...

— Открой глаза. Давай-давай, открывай.

Она приоткрыла глаза, сощурившись.

Знакомое лицо, знакомая комната...

— Неплохая демоверсия, да? — лицо над ней начало обретать очертания.

Она затравленно оглянулась, дернула парализованной рукой — та неожиданно поддалась. Послушная. Живая.

Она ошарашенно пялилась на свою молодую мягкую ладонь.

— Совсем как настоящая жизнь, если не приглядываться. Наша разработка, — пояснил Сизиф.

Лиза подняла глаза — он как раз заканчивал отсоединять от нее провода шлема.

Сизиф выглядел в точности как в их последнюю встречу. Тот же пиджак, та же ухмылка, только в руке дымящаяся кружка с какой-то мутной бурдой без запаха.

Мгновение — и ошарашенное, потерянное выражение лица Лизы сменилось яростью. Нос сморщился, обнажив верхние зубы, глаза сузились.

Она ринулась вперед, чтобы наброситься на него. Сизиф даже не отшатнулся. Он стоял на месте, в упор глядя на нее и улыбаясь.

Уже перед самым его носом Лиза резко затормозила, едва не потеряв равновесие. Ее глаза забегали. Взгляд метнулся на белый пол — на то место, куда она упала, пролетев сквозь Сизифа и где потом корчилась в судорогах.

— Смотри-ка, чему-то ты все-таки учишься, — сказал Сизиф, сделав большой глоток из кружки.

— Чтoб тебя, — тихо проговорила Лиза, приблизив свое лицо к лицу Сизифа. — Ты держал меня там пятнадцать лет, ублюдок!

Сизиф сделал глоток, чуть было не задев чашкой нос Лизы, но та и не подумала отступить назад. Не собиpался отступить и он.

— Размечталась, — ответил он. — Все длилось минут пять. Я как раз успел сходить за кофе.

Лиза нахмурилась, огляделась вокруг, осмотрела свою мятую серую робу.

— Что? — жалко переспросила она.

Сжала руками виски и попятилась назад. Все это не умещалось в голове.

— Я хочу домой...

Голос ее зазвучал совсем по-детски.

Сизиф выдохнул.

— Знать бы еще, где этот дом.

Он тоже сделал шаг назад и опустился в удобное, но старомодное кресло, появившееся из ниоткуда.

— А теперь слушай. Слушай внимательно, ибо я не люблю повторять. Твоя земная жизнь в облике Лизы Чайковской закончилась. Твое тело уже гниет в могиле. Возвращаться тебе некуда. Лучшее, что тебе светит, — это десятки таких жизней, как эта довольно гуманная демоверсия. Стандартный путь души с таким неприглядным кармическим счетом.

— Да что ты, говнюк, понимаешь? У меня была ужасная жизнь!

— Твоя жизнь была идеально подобрана, чтобы дать тебе возможность искупить кармические задолженности, научиться новому. Но ты убила человека.

Лиза открыла рот, чтобы сказать что-то еще, но Сизиф жестом остановил ее.

— Я бы на твоём месте заткнулся и послушал. То, что предлагаю тебе я, — это не только служба, это еще и знание. По крайней мере, то, какое открыто на нашем уровне. Немного, но все же лучше, чем там внизу, в этой мясорубке.

— Я не понимаю... Ты говорил про каких-то там демонов. Как можно этим искупить свою чертову карму?

— Ну вот, пошел разговор. Ты, оказывается, деловой человек.

Лиза нахмурилась. Конечно же, она хотела обложить Сизифа крепким матом. Или плюнуть в его наглуую, самоуверенную рожу. Но события сегодняшнего дня подсказывали, что это не лучшая идея. По крайней мере, прямо сейчас. Лиза была сбита с толку.

Ладно, пусть рассказывает.

Сизиф едва заметно улыбнулся уголками губ.

— Все, что тебе надо сейчас знать, — это то, что мир произошел от одного начала и в нем нет ничего, кроме этого на-

чала. Ангелы, бесы — все эманации, формы одного. Следишь за мыслью или тут закончим?

— Слежу, — заикаясь, ответила Лиза. — Наверное...

— Мир, к которому ты привыкла, — своего рода гимнастический зал, созданный лишь для того, чтобы души смогли стать лучшими версиями себя или, как тут у нас выражаются, *вернуться домой*. Если бы в мире не было боли и того, что люди называют злом, человеку не приходилось бы делать выбор. А без выбора нет ни роста, ни эволюции, ни перемен, ни, собственно, человека. Ну а мы, — Сизиф неловко поклонился, — мы те, кто эту боль создает, кто вынуждает делать выбор. Мы — экзаменаторы. И мы же падальщики.

Он договорил и, не дожидаясь ее реакции, сразу же встал. Кресло исчезло, будто бы его и не было. Сизиф направился к двери, которая снова четко обрисовалась в стене.

Вот он, выход...

На этот раз дверь никуда не денется. Она будет прямо здесь, перед Лизой: выходи — не хочу.

Но куда ей теперь идти?

Она останется здесь.

И он это знает.

Злость все сильнее закипала в ее жилах.

Кто их просил?

Кто?

— Я смогу вернуться на Землю, — Лиза ненавидела себя за то, как жалостливо зазвучал ее голос, — если сделаю эту вашу чертову работу?

Сизиф, уже стоявший в дверях, обернулся на мгновение:

— Сможешь, — усмехнулся он. — Если окажешься полной дурой.

ГЛАВА 12

Прямо сейчас

— И она согласилась? — спрашивает Начальник в Белом.

Сизиф усмехается, задумчиво глядя вверх голов Начальников.

— Да. Но эта ее страсть к жизни... Она никогда не угасала, — он трет пальцем стекло часов на запястье. — Я думал, это пройдет, когда она разберется, что к чему, но нет.

Один из Начальников в черном открывает рот, чтобы что-то сказать, но Начальник в белом останавливает его жестом и задает свой вопрос:

— А вы разобрались, что к чему?

Палец на мгновение перестает тереть мелкую трещинку на стекле часов. Сизиф поднимает голову и недовольно смотрит на человека в белых одеждах.

Молчание затягивается.

Начальник в черном — тот, которому не дали высказаться, нервничает, ерзает. Нельзя не заметить, как сильно его тяготит присутствие Старшего Белого коллеги.

Наконец он не выдерживает, и на этот раз человек в белом его не останавливает:

— Во время обучения с ней были проблемы?

Сизиф улыбается своим воспоминаниям:

— А сами-то как думаете?

Никогда раньше он не позволял себе таких вольностей с начальством.

То ли цифра «100%» на циферблате часов, то ли что-то еще, трудно уловимое, заставляет его отвечать подобным образом.

Начальник в черном пытается прожечь Сизифа взглядом.

Без особого успеха.

Впрочем, Сизиф здесь не для того, чтобы мериться силами. В эти игры он уже наигрался с лихвой.

И он отвечает, продолжая улыбаться:

— Она всегда была слишком любопытна.

За три месяца и 11 дней до конца

На улице было людно. Моросил мелкий дождь. Человек в смешном фартуке продавал горячие пончики с прилавка у входа в забегаловку.

Должно было быть тесно. Должно было быть холодно от летящих в лицо капель дождя и резких порывов ветра. Дразнящий, сладкий запах выпечки должен был выворачивать наизнанку пустой, изголодавшийся желудок.

Но ничего такого Лиза не чувствовала.

Только видела и слышала.

Это все, что было ей доступно.

Один вопрос мучил Лизу, пока они шли сквозь толпу:

Что же тогда реально? А что иллюзия? Или, может, существует реальность, которая реальна для одних, но нереальна для других? Реальность, реальная наполовину?

Голова буквально лопалась от непонимания. И Лиза все больше злилась. Она хотела бы сожрать все эти пончики разом и намочить волосы под дождем. Вот чего она действительно бы хотела.

— Ну же, папаша, скажи хоть что-нибудь! Что-то же мне должно понравиться в нашей работенке?

— Еще раз назовешь меня папашей, и в твоей новой работе тебе не понравится ничего.

Лиза скорчила рожу за его спиной.

Мимо шли люди. Совсем близко. Но никто их не замечал.

Кто-то задел Лизу плечом. Она инстинктивно приготовилась к удару и боли, заранее сжалась и разозлилась, на языке уже вертелись соответствующие слова.

Но плечо прошло насквозь.

В отличие от того раза, когда Лиза пролетела сквозь Сизифа, сейчас она совсем ничего не почувствовала. Человек же поморщился и потер висок, списав свои странные ощущения на спазм сосуда в головном мозге.

Лиза вдруг вспомнила, сколько раз сама чувствовала что-то странное: то холодок пройдет по затылку, то во сне будто бы кто-то толкнет в бок, то неожиданно зазвенит в ухе или заболит где-то... Неужели это были...?

Иногда лучше знать меньше. А этот говнюк, что идет впереди с таким довольным видом, обещал ей еще какие-то новые знания.

Ну уж нет! Пусть засунет свои знания в...

— Они нас не видят, да? — спросила Лиза, взглядываясь в лица прохожих.

Раньше смотреть людям в глаза ей было трудно. Сейчас же это давалось легко. Интересное ощущение.

— Обычно нет, — ответил Сизиф.

— И не слышат? — не унималась Лиза.

— Нас слышит тот, на кого мы воздействуем.

— Значит, если мы захотим, любой из них может нас услышать?

Ответить Сизиф не успел. Мимо прошел неопрятный парень в дутой яркой куртке. Жирными пальцами он пихал в рот чипсы. Поравнявшись с Лизой, парень сплюнул прямо ей под ноги. Лиза ненавидела, когда так делали. Это напоминало ей отчима и вечно вонявшую кровью и дерьмом живодерню.

— Да что б ты подавился, свинья, — бросила ему Лиза, торжествуя от своей безнаказанности.

Неожиданно парень закашлялся. Кусок пережаренной картошки встал у него поперек горла. Глаза заслезились. Он выронил пакетик с чипсами и в панике стал судорожно бить себя по спине.

— Я бы так не делал, — не оборачиваясь сказал Сизиф.

Лиза замедлила шаг и ошарашенно смотрела на парня. Тот откашлялся и, наконец, глубоко вдохнул. Красные глаза заморгали и с жалостью посмотрели на рассыпавшиеся по тротуару остатки чипсов. Проходивший мимо мужчина наступил на них и унес часть на подошве ботинка.

— Это что... я? — улыбнувшись во весь рот, спросила Лиза. — То есть я могу... ого... тогда я знаю, кого навещу сегодня первым делом.

Лиза сощурилась и хищно потеряла руки.

— Гребаный Штырь. Сегодняшний «приход» он точно не забудет.

— И этого я бы не советовал, — усмехнулся Сизиф.

— Знаешь что, хреновый ты советчик.

Мимо прошла женщина со стаканчиком кофе в руках. Она выбросила крышечку, и ароматный пар поднимался в воздух. Сизиф на мгновение закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Бледное облачко рассеялось — Сизиф открыл глаза и грустно улыбнулся.

Он ничего не почувствовал. Но на мгновение ему показалось, что он вспомнил, как пахнет настоящий кофе. Свежемолотый, из хорошо прожаренных зерен, приготовленный на огне. Только это воспоминание он и хотел бы удержать в сознании, но оно улетучивалось так же, как облачко пара. За-

то другие — нежеланные — держались крепко, как вбитые по самую шляпку гвозди.

— Возможно, я и не лучший советчик, но если ты нарушишь закон и влезешь в жизнь того, кто не является твоим объектом, давать советы мне станет некому.

Лиза оскалилась и высунула язык.

Сизиф неожиданно обернулся — она не успела убрать гримасу. Не имея желания извиняться, Лиза просто развела руки и пожалала плечами. Сизиф смерил ее холодным взглядом.

— И еще совет, — продолжил он. — На твоем месте я бы не полагался на свои мозги. Спрашивай, пока я рядом. А это будет недолго.

Сизиф отвернулся и пошел вперед. Лиза неохотно плелась следом.

— Зашибись. Ладно, у меня вопрос. Если есть мы, значит, существуют и хорошие ребята? Типа ангелы там всякие. Ну и где они? И мы типа как? Боремся с ними или вроде того?

Сизиф закатил глаза. Предложив ей задавать вопросы, он явно ошибся.

— Сознание — как радиоприемник, — начал Сизиф.

Мимо прошла парочка. Мужчина что-то говорил на повышенных тонах недовольной женщине, небрежно несшей в руках дорогой букет. Сизиф легонько коснулся виска женщины и прикрыл глаза. Его губы едва заметно зашевелились. Мгновение спустя женщина впихнула букет мужчине в руки с такой силой, что нежные розовые лепестки посыпались на мокрый асфальт, вlepила пощечину и, резко развернувшись, ушла прочь. Лиза с усмешкой проводила ее взглядом.

— Человек своими мыслями и действиями настраивает сознание на определенную волну: на нас или на них, — Сизиф неопределенно показал куда-то вверх. — С теми «ребятами» мы просто на разных волнах. Поэтому никаких ангелов ты никогда не увидишь и не услышишь. Как и большинство людей. Ясно?

— Ясно. У меня еще вопрос!

Из ближайшего кафе, хлопнув дверью, выскочил раскрасневшийся парнишка лет восемнадцати. Тяжело дыша, он

быстрым шагом направился к припаркованной неподалеку машине. Выкрашенные синим пряди волос трепыхались на макушке от быстрой ходьбы. Он что-то бормотал себе под нос. Судя по всему — нецензурное.

Сизиф неожиданно остановился. Лиза не успела затормозить и снова прошла сквозь него. Ощущения опять оказались сильными и неприятными, но почему-то не такими болезненными, как в прошлый раз. Лиза поежилась и обхватила себя руками, чтобы как-то согреть свое несуществующее тело после обдавшей его волны холода.

— На сегодня лимит вопросов исчерпан, — сказал Сизиф. — А вот и твоё первое упражнение.

Лиза проследила за взглядом Сизифа. Он определенно смотрел на парнишку, который нервно дергал неподдающуюся дверцу машины. Худой, бледный, на щеках — россыпь красных следов от подростковых прыщей. Синие пряди подчеркивали круги под глазами.

— Этот молокосос? — хрипло спросила Лиза.

Сизиф не ответил. Он подошел к машине, жестом подозвал Лизу и забрался внутрь, даже не открыв дверь. Как только он так быстро перестроился?

В салоне было дымно: парнишка курил сигарету за сигаретой. Впервые Лиза порадовалась, что ничего не чувствует: при жизни она страдала аллергией на табачный дым.

Они с Сизифом сидели на заднем сиденье.

Парнишка нервно рулил куда-то на окраину столицы. Он и понятия не имел, что прямо за ним сидят двое покойников, для одного из которых он сейчас станет подопытным кроликом... Интересно, для какого опыта?

— Как его зовут? — вдруг спросил Сизиф.

— Издеваешься? Сам же выбрал этого придурка. Ты только посмотри, как он водит!

Парнишка яростно крутил ручку радио: обрывки громких песен врывались в салон, перебивая друг друга. Ему ничего не нравилось.

— Положи ему руку на плечо, — велел Сизиф.

Лиза скорчила красноречивую гримасу. Сизиф невозмутимо смотрел на нее, ожидая, когда она послушается.